РУНЕ БЕЛСВИК
ПРОСТОДУРСЕН
ЗИМА ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА

Руне Белсвик

Простодурсен. Зима от начала до конца (сборник)

Серия «Простодурсен», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11281510
Простодурсен: Зима от начала до конца / Руне Белсвик: Самокат; Москва; 2015
ISBN 9785917594286

Аннотация

Повести Руне Белсвика о Простодурсене и его друзьях очень популярны в Норвегии. В маленькой приречной стране жизнь героев полна обычных забот: тут рубят дрова и копают канавы, пекут хлеб и сушат башмаки, смотрят в небо и бросают в реку камешки… Но удивительное дело: чуть измени угол зрения – и самые простые вещи наполняются особым смыслом и трогают сердце. Мудрый Ковригсен и добряк Простодурсен, Октава с её песнями и Утёнок с его фокусами умеют радоваться и радовать других так, что заражают этим даже хитреца Пронырсена и некулёму Сдобсена.

В книгу вошли три из шести историй о Простодурсене. Продолжение следует!

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Простодурсен и великое похищение реки 7
Кто-то зовёт на помощь 8
Ковригсен печёт торт 27
Кто-то хочет выбраться из своего яйца 46
Встреча за столом Простодурсена 68
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Руне Белсвик
Простодурсен.
Зима от начала до конца (сборник)

Rune Belsvik
DUSTEFJERTEN
Dustefjerten og den store bekker ø veriet
Dustefjerten og den store marsipanfesten
Dustefjerten og den store v å rdagen

Для младшего и среднего школьного возраста

Книга издана при финансовой поддержке норвежского фонда NORLA (Норвежская литература за рубежом)

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Ольга Дробот, перевод, 2014
Dustefjerten og det store bekkerøveriet. (Copyright © Cappelen Damm AS 1991)
Dustefjerten og den store marsipanfesten. (Copyright

© Cappelen Damm AS 1994)

Dustefjerten og den store vårdagen. (Copyright © Cappelen Damm AS 1996)

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательский дом «Самокат», 2015

* * *

По-моему, это книга о том, что жизнь – чудо, она готова изумлять нас каждый день. Но чтобы восхититься самому дару жизни, заметить его, порадоваться ему, надо жить в детском темпе, здесь и сейчас, и поменьше суетиться.
Ольга Дробот, переводчик книги

За хлёсткими диалогами – волшебство дружбы и влюблённости… Мы с героями книги стоим на пороге счастья, и оно такое настоящее…
Наталья Евдокимова, Питерbook

Простодурсен и великое похищение реки

Кто-то зовёт на помощь

В тот день, когда Простодурсен споткнулся о лопату, вообще многое стало совсем не так, как бывало раньше. Так уж устроена жизнь. Ходишь-ходишь одной и той же знакомой дорогой, а однажды вот так грохнешься и увидишь всё слегка, как говорится, под другим углом. Один так даже угодил в больницу. А ещё одному помог добрый прохожий. А я вот порвал штаны и впервые в жизни ставил заплатку.

Тот день, когда Простодурсен споткнулся о лопату, начинался как самый обычный день. Простодурсен проснулся от стука дятла, долбившего носом сучок на стене его дома. Дятел частенько прилетал сюда завтракать. За планками обшивки водились какие-то букашки, и от стука они в страхе вылезали наружу, прямо дятлу в клюв.

Простодурсен встал и положил одеяло на подоконник – проветрить. Постоял немного, изучая, какая за окном погода. Листья на яблоне желтели и краснели, были и коричневые, только не зелёные. Разноцветье красиво подсвечивалось солнцем. За яблоневым садом мирно и живописно текла река, чтобы после долгого путешествия влиться в море.

День, повторюсь, был прекрасный. Редкие облачка на небе и нигде ничего неприятного глазу. Скоро из пекарни Ковригсена поползёт хлебный дух, и если Простодурсену захочется, можно будет сходить купить хрусткую ржаную коврижку и поболтать с Ковригсеном. Например, о реке. Ковригсен тоже её любит, он тоже видит её из своего окна.

Простодурсен ничего не знал о том, что он вскоре грохнется, зацепившись о лопату. Он вообще не подозревал, что ещё до вечера его жизнь изменится.

И он, как обычно, отправился на кухню посмотреть, не осталось ли со вчера пудинга на сегодня. Простодурсен проголодался, и больше всего ему хотелось поесть пудинга.

И точно: в огромной коричневой миске колыхался жёлто-бежевый бугорок. Ровно как Простодурсен мечтал – удобная порция вкусного пудинга, которая ловко скользнула по языку вниз. Хорошо! Но плохо, что пудинг на этом кончился. Вдруг и совсем. Придётся днём делать новый, подумал Простодурсен. Пакетиков с сухим порошком у него припасено немало, но за остальным надо будет сходить.

Простодурсен прикинул, не заняться ли ему сперва канавой. Копать – хорошая работа, трудная как раз в меру. Бывало, покопаешь – и успокоишься, и аппетит нагуляешь, и сон хороший.

Канава начиналась от крыльца, обходила яблони и по склону спускалась к реке. Но хоть солнце в тот день и светило, в канаве чавкала грязь, а когда Простодурсен копал свою канаву в последний раз, он куда-то задевал лопату, так что теперь ему надо было для начала натянуть высокие сапоги и идти её искать. Оглянуться не успеешь – день пройдёт.

Нет, лучше отложить лопату на другой день, например, дождливый. Ему ведь ещё пудинг делать… Да и камешков

для бульканья почти не осталось, надо идти искать. И если потом ещё тащиться к Ковригсену…

День опять получался полный хлопот. А Простодурсен боялся, что если ещё подумает, так ненароком и ещё какое дело вспомнит. Лучше, решил он, побыстрее уйти от беды подальше.

На берегу лежали кучкой последние бульки и блестели. Круглые ровные камешки. Впрочем, их было так мало, что кучкой это уже и не назовёшь. Три камешка всего. Один совершенно белый. И два обычных, серо-чёрных.

Простодурсен взял в руку серо-чёрный, и дятел, как всегда, вспорхнул и улетел, завидев, что кто-то тянется за камнем.

Бульк радовал руку. Он был не такой горячий, как обычно летом. Тогда даже вечером, когда солнце село, камни долго не остывают и жгутся. Но и не такой холодный, как зимние камни. Эти в секунду забирают всё тепло из ладони.

– Сейчас я кину тебя в реку, – сообщил Простодурсен. – Серый в крапинку, приготовься: вот я тебя поднимаю – раздва, бульк!

И он бросил камень в воду, и раздался «бульк». Аккуратный приятный «бульк».

И следом Простодурсен бросил второй серо-чёрный камешек.

И только взял в руку третий, совсем белый, как на том берегу возник Пронырсен.

– Всё камни бросаешь, – сказал Пронырсен.

– Да, – кивнул Простодурсен, – бульки. Сегодня как раз хороший день, а то в дождь на реке и без того всё булькает.

– И как тебе не надоест, – фыркнул Пронырсен. – А у тебя притом есть лопата, лучше б канаву выкопал.

– Я уже начал, – ответил Простодурсен.

Он не удержался и стрельнул глазами в Пронырсена. У того была привычка нагличать, и вид он всегда имел такой, будто знал много больше остальных. Жил Пронырсен вверх по реке, но никто у него не бывал. Все его побаивались, хотя ни великаном, ни силачом он не был.

– Ладно, – проговорил Пронырсен. – Я не могу терять здесь с тобой время. Мне надо домой, у меня невпроворот разных дел и проблем.

Простодурсен подумал было спросить, что это за дела и проблемы, но решил, что чем меньше говорить, тем лучше. Тогда Пронырсен быстрее уберётся, и можно будет спокойно булькнуть последний камешек.

– Смотри не перетрудись тут, – съязвил Пронырсен, заготовил и исчез так же внезапно, как появился.

Простодурсен стоял, перекатывая в ладони камешек. Из пекарни Ковригсена густо-густо пахло хлебом. Может, пойти за коврижкой, а последний бульк припрятать на потом? Впереди ещё весь день, не хочется оставаться совсем без камешков. За новой порцией придётся идти за тридевять земель, в округе он всё давно собрал…

Простодурсен стоял у воды и размышлял. Река журчала и струилась как обычно. Дно реки усеяно его бульками. Но они лежат глубоко. Если он полезет за ними, придётся нырять, и, неровен час, до того доныряется, что его унесёт в даль дальнюю, а этого ему вовсе не хотелось. Простодурсену хорошо жилось у себя дома.

В животе заурчало. Если Ковригсен не хандрит и настроение у него не кислое, то тесто наверняка поднялось, а тогда самое время поспешить в пекарню, подумал Простодурсен, сунул камешек в карман и тронулся в путь.

По дороге он решил обойти канаву и полюбоваться на свою работу. И вот когда он стоял на краю канавы и рассматривал грязь на дне, жизнь его изменилась.

Во-первых, кто-то закричал «На помощь!». Во-вторых, Простодурсен споткнулся о лопату.

Крик о помощи прорезал воздух внезапно. Кричали с реки. Что там творится, Простодурсен не видел. Слышал он такой призыв тоже впервые. Голос как будто был немного похож на голос Октавы – дамы, жившей ниже по течению, но сходства было до того мало, что Простодурсен почти не сомневался: кричала не она.

Раз кто-то зовёт на помощь, значит, помощь ему нужна, решил Простодурсен и бегом припустил на выручку. Через канаву и прямиком по траве – это кратчайший путь к воде. Вот в траве его и подстерегла лопата.

Шмяк!

Простодурсен полетел носом вперёд и грохнулся в траву.

«Лопата, – подумал он, тормозя. – Лопату я нашёл».

Он вскочил и помчался дальше вниз, к реке.

В воде барахталась утка. Она пыталась плыть против течения, пыхтела и отдувалась.

– Помогите, – просипела она.

– Вы хотите, чтобы я вам помог? – уточнил Простодурсен.

– Что? – простонала утка.

– Какая помощь вам нужна? – спросил Простодурсен.

– Меня преследует хищная птица, огромная, страшная!

Она хочет отнять у меня яйцо.

– Ни одной хищной птицы здесь нет.

– Можете помочь мне выбраться на берег?

– Подождите минуточку, я принесу свой инструмент.

Простодурсен помчался за лопатой. Как раз удобное приспособление для помощи уткам. Он опустил лопату в воду, подвёл под утку и вытащил её на берег.

Утка лежала в траве и тяжело дышала. Бедная. Видно, приплыла издалека. Но разве у птиц не кончился сезон кладки яиц? Уже осень на исходе, для птенцов поздновато.

– О, – стонала утка, – спасибо, что помогли. Никто, никто…

– Не стоит благодарностей, успокойтесь.

– О… – застонала она – и вдруг сомлела и завалилась на бок. Откуда-то из перьев выкатилось яйцо и покатилось по склону к реке.

Простодурсен молча наблюдал за ним и страшно злился. У него была гора планов на день, а теперь поперёк них разлеглась эта утка. А яйцо утки вообще катится вниз по склону к воде. Нет, вон запуталось в траве.

Яйцо оказалось голубым в мелкую чёрную крапочку. Красивое, ровно-округлое. Похожее на идеальный камешек для бульков. Простодурсен подошёл к яйцу и приложил к нему ухо. Внутри тишина. Простодурсен схватил яйцо и быстро сунул его под утку – а то ненароком забудешься да и булькнешь чужое яйцо в речку.

Подумав, он понял, что пойти к Ковригсену прямо сейчас у него не получится. Хоть хлебом по-прежнему пахло на всю округу, а живот урчал, требуя коврижку, Простодурсен решил не отлучаться от утки. Должна же она очнуться, чтобы он довёл свою помощь до конца.

Пока он так размышлял, на берег снова спустился Пронырсен. Можно подумать, он всё это время ждал в засаде за кустом.

– Уткой разжился, – заметил Пронырсен.

Он стоял на другом берегу и заявлял, что Простодурсен разжился уткой. Ну и словцо. Простодурсен даже не нашёлся что ответить.

Он вообще замечал, что на иные вопросы Пронырсена

трудно дать ответ. Они какие-то скользкие. *Уткой разжился, ну-ну, мы-то с тобой понимаем…*

– Я видел, как ты огрел её лопатой.

– Что? – разинул рот Простодурсен.

– Мне ты сказки не рассказывай, – велел Пронырсен. – Я буду молчать как рыба. Но я уверен, что утка плыла ко мне.

– Я её не трогал, – сказал Простодурсен, – просто помог ей вылезти на берег.

– А чего она тогда не шевелится?

– Она устала. Она… плыла против течения.

– Ха-ха-ха! – захохотал Пронырсен. – Да ты прямо сказочник!

Он шагнул в кромку воды, нагнулся и сделал несколько больших глотков.

– Вкусная у тебя здесь вода, – заметил Пронырсен.

– Да. Я делаю на ней и пудинг, и соки.

– И швыряешь в неё камни.

– Бульки. От них отличный звук – «бульк».

– Хотя эта вода – моя.

Здравствуйте, приехали. Всё вдруг стало таким противным. Цвет травы и листьев и напев реки были как прежде приятны, но… вон лежит утка, а на том берегу торчит этот тип и говорит…

– Вода сначала протекла мимо меня.

– Да, но… – пролепетал Простодурсен.

– Просто отдай мне утку, и не будем углубляться в это, – велел Пронырсен.

– Утку? – удивился Простодурсен. – Она не моя, я просто помог ей выбраться на сушу.

– Оно и видно, ага, – хохотнул Пронырсен.

– Да правда же.

– Как было дело, видел только я, – заявил Пронырсен. – Или ты хочешь, чтобы мы пошли к Ковригсену и созвали собрание? И все придут полюбоваться на утку. А потом мы их спросим, чья она, на их взгляд.

Собрание? – подумал Простодурсен. Противное слово,

в нём слышится «брань», и ещё «рана».

Он перевёл взгляд на утку. Полудохлая, если уже не дохлая. Неужели Ковригсен поверит, что это Простодурсен довёл её до такого? А Сдобсен? Что подумает этот крендель Сдобсен? А Октава? Это же и есть собрание? Все собираются, бранятся, рассматривают, нет ли на утке ран, и решают, кому они больше верят – Пронырсену или Простодурсену. И если все решат, что он укокошил утку своей лопатой, той самой, которую он только что снова нашёл…

– Ты долго думаешь, – сказал Пронырсен.

– Да, но… – пробормотал Простодурсен.

– Так и порешим, – подытожил Пронырсен. – Ты отдаёшь мне утку, и считаем, что ничего не было.

Простодурсен опять взглянул на утку. Теперь было видно, что она всё же дышит. Это прекрасно. Если б она ещё и очнулась, то могла бы сама рассказать, как было дело. Если б она сию секунду очнулась, то всё противное разом бы кончилось, и он пошёл бы себе спокойно за коврижкой с хрустящей корочкой.

– Кинь её мне сюда, – велел Пронырсен.

Ну вот чего она не просыпается? Лежит себе, пузыри пускает и хоть бы хны. Глупая утка!

Вдруг Простодурсена пронзила неприятная мысль: а зачем Пронырсену утка? Что он собирается с ней сделать? Когда он сказал «кинь её сюда», Простодурсен почувствовал, что дело пахнет гаденьким. Но спросил себя: Простодурсен,

дорогой, зачем тебе снулая утка? Какое тебе вообще до неё дело? Ещё утром никакими утками здесь не пахло. И тебе, друг мой Простодурсен, жилось хорошо. Честно сказать, тебе жилось лучше, пока эта дурацкая утка не притащилась сюда и не улеглась спать на твоём пригорке. Если ты отдашь её Пронырсену, то утки здесь снова не будет. Да и Пронырсен уберётся восвояси. Всё станет как поутру. И ты тихо и спокойно пойдёшь за вкусной горячей коврижкой.

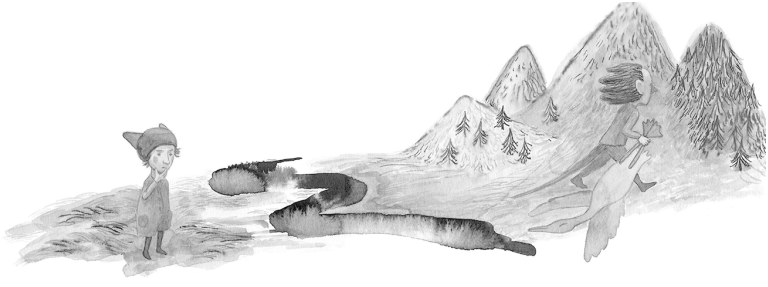
Так уговаривал себя Простодурсен. И рассуждения эти казались очень верными. Но что-то в них было не так. Потому что когда он тащил на лопате из воды красивую утку и её красивое яйцо, он вдруг почувствовал, что теперь ему будет невкусно есть коврижку в одиночку. И ему показалось даже, что ему в жизни всегда не хватало утки и утиного яйца. Хотя раньше он никогда об этом не думал. Я собирался спасти бедную утку, подумал Простодурсен, а теперь…

– Ага, – сказал Пронырсен. Он поднял утку за лапы, потом взял яйцо и рассмотрел его.

– А это мне не нужно, – заявил Пронырсен и швырнул яйцо назад через речку.

– Но оно уткино! – закричал Простодурсен. – Она приплыла сюда, чтобы…

– Три ха-ха! – прохохотал Пронырсен. – Это бред – откладывать яйца по осени, из таких яиц выводятся только бредни и бредятины. Замешай его в свой пудинг. А увидишь на реке ещё уток – не мешай им спокойно плыть ко мне.



Для чего Пронырсену утка? Как бы это узнать?

Пока что тот мчался вверх по тропинке, держа утку за лапы. Она болталась лапами вверх, пересчитывая головой кусты и ветки вдоль дороги и обтираясь о траву.

Яйцо?

Яйцо, подумал Простодурсен. Разбилось, понятное дело. Валяется где-то в траве и вытекает.

Оно лежало у камня. Слишком большого, чтобы быть камнем-бульком. И даже для камня-бдэмса великоватого. Из земли торчал наружу только край. Когда-то Простодурсен хотел этот камень выкопать, но не сумел. Камню не было конца. Наверно, он просто верхушка горы. И вот теперь приткнувшись к этой подземной горе лежало яйцо. Красивое и на вид целое.

Непорядок, конечно, чтобы маленькое хрупкое яйцо валялось в тени огромного камня. Если в яйце кто-то есть, он задубеет ночью от холода. Когда небо такое синее и прекрас-

ное, как сегодня, ночью жди заморозков. В горах зима уже расчехлила свою амуницию и при случае пускает её в ход.

К тому же здесь его может сожрать хищная птица. Хищные птицы любят яйца. Вкусы ведь у всех разные. Простодурсен любит пудинг и всё, что выпекается в пекарне Ковригсена. А хищной птице нравятся яйца.

Но Простодурсену не нравится, чтобы она лакомилась яйцом у него под окном. Ещё войдёт во вкус и останется здесь. Будет ждать, не появится ли новое яйцо. Или вообще решит, что они здесь у Простодурсена из земли растут.

Простодурсен покрутился на месте. Посмотрел по сторонам. Всё было как раньше. До чего странно, удивился Простодурсен. Странно, что всё точно как раньше, а не совсем иначе.

Потом он взял яйцо и понёс его домой.

Пол и стены были облеплены солнечными пятнами. Солнце светило в окно и во все щели и расклеивало по всему дому свои тёплые жёлтые метки.

Куда кладут такие яйца? – задумался Простодурсен. Это должно быть место, где он на него не наступит. Там, где он не ходит и не сидит.

Кровать?

Простодурсен притащил с подоконника одеяло. Положил яйцо на кровать и накрыл одеялом. Но одеяло наверняка холодное. Простодурсен знает, как под ним холодно, когда его только принесли с воздуха. Пришлось Простодурсену лечь

в кровать рядом с яйцом, чтобы помочь ему нагреть одеяло.

Всё-таки очень симпатичное яйцо. Простодурсен приложил к нему ухо. Ни звука, как и раньше.

– Теперь тут тепло и хорошо, – прошептал Простодурсен яйцу. – Ты тут полежи, а я схожу к Ковригсену. У меня, понимаешь, много дел, я не могу весь день лежать с тобой. А если ты будешь молодцом и вылупишься, я покажу тебе, что стало с большим га-га-га. Он очень сильно устал и лёг на отдых в горном приюте. Ну не совсем приюте, скорее постоялом дворе, но…

Так он поутешал яйцо на прощание, а потом вылез из кровати.

Ему ужасно хотелось, чтобы Ковригсен оказался в разговорчивом настроении. Потому что Простодурсену надо было о многом с ним поговорить.

– Только бы мне не забыть, что ты здесь лежишь, когда я приду укладываться спать, – сказал он яйцу. А потом отогнул край одеяла, чтобы яйцо лучше слышало его (если там вообще кто-то есть), и сказал всё ещё раз. И сам же своих слов испугался.

«А если я и правда о нём забуду? Я ведь не привык, чтобы в моей кровати спало живое яйцо», – подумал Простодурсен с тревогой.

Выходя из дому, он сунул руку в карман – проверить, есть ли у него монетка на коврижку. Нащупал белый камень-бульк. Но в другом кармане отыскалась монетка.

Простодурсен полюбовался, как красиво сияют на солнце и камешек, и монетка. Потом положил их снова в карман и пошёл в пекарню Ковригсена.

Ковригсен печёт торт

В лавке Ковригсена пахло горячо и вкусно, как всегда. За столом поодаль от прилавка сидели Октава и Сдобсен и с хрустом жевали коврижку.

Сдобсен прислонил свою палку к стене, а Октава держала свою огромную шляпу на коленях. Простодурсен подошёл к прилавку и стал ждать, когда выйдет Ковригсен. Было слышно, как он насвистывает где-то в доме, у своей огромной печки.

– Прекрасная погода сегодня, – обратился Простодурсен к двоим посетителям.

– Да, но не для сушки белья, – отозвался Сдобсен.

Простодурсен видел, что и Октава собирается что-то сказать. Она старательно сглатывала коврижку, чтобы освободить во рту место словам.

– Как дела с канавой, Простодурчик? – спросила она наконец. – Много выкопал?

– Нет, – ответил Простодурсен. – Я задевал куда-то лопату. Но сегодня, по счастью, её нашёл. По счастью, сегодня. Нашёл, по счастью.

В третий раз сказав «по счастью», Простодурсен подумал, что выражается сегодня как-то сбивчиво. Похоже, он сбит с толку. В его кровати греется яйцо. Но Пронырсен утверждает, будто бы он, Простодурсен, убил утку лопатой.

– Хорошо, когда лопаты находятся, – заметил Сдобсен. – Не то что за границей.

– Да уж да, – ответил Простодурсен, – по счастью.

– А как у тебя с бульками? – спросила Октава.

– Спасибо, тоже хорошо, – ответил Простодурсен.

Появился Ковригсен. Посыпанный мукой, как обычно. И в белой поварской шапке, как обычно. Вообще он выглядел совершенно обычно, и Простодурсен успокоился. А когда Ковригсен спросил, завернуть ли ему свежую коврижку, то ответил:

– Да, пожалуйста.

Но Октава не сводила с Простодурсена глаз. Чего она так смотрит на него? Разве Простодурсен не выглядит тоже как обычно?

– Я, это… у меня, это… – начал Простодурсен неуверенно.

– Прекрасный день, – подхватил Ковригсен.

– …Яйцо живёт, – закончил Простодурсен.

Палка Сдобсена скользнула по стене и грохнулась на пол.

– Какое такое яйцо? – спросил Ковригсен.

– У меня дома яйцо, – сказал Простодурсен. – В моей кровати лежит яйцо.

В булочной стало очень тихо. Коврижку уже никто не жевал.

И снова настала очередь Октавы сказать что-нибудь. У неё был самый красивый голос на всю реку. Она и петь любила.

– Какая чудесная новость! Ты снёс яйцо?

Сдобсен посмотрел на Октаву. И Ковригсен посмотрел.

И Простодурсен тоже. И пока они все глядели на Октаву, в булочную кто-то зашёл. Это был Пронырсен.

– Коврижками обжираетесь, – сказал он.

– О, сегодня изумительные коврижки, – отозвался Сдобсен. – Но плохо сохнет бельё.

– Насыпь-ка мне пакет чёрствого хлеба, – велел Пронырсен. – Не такого старого, чтобы с плесенью, но и не настолько свежего, чтоб деньги за него драть.

Ковригсен улыбнулся и ушёл в заднюю комнату. Пронырсен встал рядом с Простодурсеном и пару раз пихнул его, устраиваясь повольготнее.

– Ты слышал великую новость? – спросила Октава.

– Великие новости в этой лавчонке небось не поместятся, – ответил Пронырсен.

– Наш Простодурсен завёл себе яйцо. Здорово, да?

– А то нет. Он целыми днями камни бросает, самое время яйцу появиться.

– Тут ты прав, – хмыкнул Сдобсен.

– Согласна полностью, – поддакнула Октава.

Ковригсен вынес пакет чёрствого хлеба Пронырсену и свежую коврижку Простодурсену.

– Что ж, наступят и другие времена, – заявил Пронырсен.

– Да ну? Ты что-то уже слышал? – с ужасом спросил Ковригсен.

– Каждый может сделать что-то, чтобы самому изменить времена, – ответил Пронырсен. – Ко мне едет родня, мне надо навести красоту.

– Тебе? У тебя самая красивая дубовая дверь во всей долине! – сказала Октава.

– Ладно, нет у меня времени шутить с вами. Удачи в яичном деле! – с хохотом бросил Пронырсен, выскакивая за дверь.

Ковригсен обустроил здесь под горой очень милую пекарню с кондитерской. Это была кондитерская на один столик. За которым сейчас сидели Октава и Сдобсен. Позади стола к стене было приставлено пианино, так что в принципе можно было на нём сыграть. С потолка свисала на красном шерстяном шнурке жёлтая лампочка. А при двери болтался немой колокольчик, которому положено было бы трезвонить каждый раз, когда дверь открывается или закрывается. Ковригсен выпекал хлеб и булочки и даже торты на заказ. Но каждодневным шедевром была хрустящая ржаная коврижка. Полезная для зубов, желудка и настроения. Ещё Ков-

ригсен продавал соки. Их он делал из брусники, клюквы, смородины, кудыки, понарошки, рябины и яблок. Ночью он спал в обнимку с чаном, в нём бродило и поднималось тесто для утренней выпечки.

Вокруг стола стояли четыре удобных стула. И два из них сейчас пустовали. Но Простодурсен и Ковригсен не садились, стояли у прилавка.

Простодурсену хотелось обсудить с Ковригсеном разные неожиданные происшествия сегодняшнего дня. Но поскольку Октава и Сдобсен, навострив уши, по-прежнему сидели в пекарне, Простодурсен ничего толком сказать не мог.

– Спасибо, – поблагодарил он и положил на прилавок монетку. А потом отломил кусок коврижки.

Ковригсен двинул кулаком по кассе, ящичек с деньгами выскочил наружу, он положил в него монетку и с силой толкнул его на место.

После этого в пекарне стало совершенно тихо. И было тихо, пока Октава не встала и не стукнула кулаком по столу.

– Да что это в самом деле! – громко сказала она. – Вы правда сами не понимаете? У Простодурсена завелось яйцо, и… мы должны… Во всяком случае, я хочу спеть песню и заказать торт!

– Угу, – ответил Простодурсен. Выступление Октавы показалось ему несдержанным, а пара глаз смотрела на него из-за прилавка в недоумении.

Ему захотелось оказаться в тихом месте, где нет колючих взглядов, но никто и не впадает в восторг от каждого его сло-

ва.

– Мне надо домой к яйцу, – сказал он.

Тени как-то сдвинулись, пока Простодурсен дышал в пекарне хлебными парами. Река потемнела, и солнце освещало только половину стены его дома. Он припустил со всех ног. Вбежал в дом, откинул одеяло… На простыне лежало яйцо.

– Сейчас я затоплю для тебя печь, – сказал Простодурсен. – У меня есть отличные сухие дубовые поленья. Так что вечером мы мёрзнуть не будем. А когда я протоплю, то пойду схожу за продуктами для пудинга. К утру-то мы наверняка проголодаемся.

Сперва Простодурсен запалил несколько толстых дубовых корней. Пламя получилось сильное, ровное – оно и дубовые поленья наверняка возьмёт. Простодурсен взглянул на кровать. Ни звука оттуда. Он подошёл и прижался к яйцу ухом. Тишина. Тишина…

– Понятное дело, – сказал Простодурсен яйцу. – Ты здорово устал сегодня. Погоня, хищная птица – ужас… Счастье ещё, что я там стоял с лопатой. Скоро выберешься на свободу и будешь ходить со мной в кондитерскую. Она тебе наверняка придётся по вкусу. Там даже торты пекут… Октава хотела купить тебе в подарок торт прямо сегодня. Вот ведь голова без клёпок. Подарить торт яйцу! Дурында!

От солнца остался только маленький сгусток в углу. Скоро и там воцарится чернота. Солнце имеет привычку, уходя,

ничего не забывать и не оставлять. Ни крошечного пятнышка. Ни хилого лучика. Оно забирает с собой весь свет за леса, за горы, за море, когда туда уходит. Простодурсен так далеко никогда не бывал.

Огонь в печи горел крепко и славно. По комнате потекло тепло, и Простодурсен подумал: а не сделать ли ему сегодня того, чего он никогда не делал? Он чувствовал себя уставшим. А от мысли, сколько надо потратить сил, чтобы приготовить пудинг, дождаться, пока он остынет, и съесть, – от одной этой мысли у него опускались руки. И он решил поспать послеобеденный сон до обеда. Желание поменять местами сон и обед возникло у него впервые за всю его многотрудную жизнь у реки.

Он забрался в кровать и свернулся калачиком вокруг яйца. Прежде чем натянуть на них одеяло, он нежно и ласково провёл пальцем по скорлупе.

– Сперва отдохнём, а пудинг я потом сделаю. Ты там вряд ли проголодался.

Простодурсен заснул в ту же секунду. Он спал, храпел и подсвистывал. Но яйцо хранило молчание. Оно лежало, прижавшись к его груди, под тёплым одеялом. А печка топилась, и солнце рисовало всё более длинные тени.

Когда Простодурсен проснулся, всё превратилось уже в одну сплошную тень. На небе горели несколько звёзд, а музыка реки петляла между яблонь и утекала вдаль. Но Просто-

дурсена разбудили не звёзды и не звуки реки. Он проснулся оттого, что кто-то вошёл в домик и сорвал с него одеяло.

– Ой, не могу, какая прелесть! – воскликнула Октава.

Она пришла со Сдобсеном.

– Странно, – хмыкнул Сдобсен. – Всё это чуточку странно. Хотя за границей…

– Что за глупости! – решительно перебила его Октава. – Я за весь день не видела таких миленьких пусечек! Простодурсен, да ладно, я вижу, ты не спишь… Мы заказали очаровательный тортик! Ковригсен сейчас пыхтит над ним, но скоро его принесёт. Ковригсен придёт и тортик принесёт, ойла-ла!

Простодурсен щурился на гостей. Октава стояла у кровати и держала в руках одеяло, а Сдобсен прислонился к печке и грел спину.

Простодурсен вспомнил, что не сделал пудинга и не поел. В животе заурчала пустота. Живот стало подводить. Но если Ковригсен принесёт торт, буря в животе уляжется.

Свеженький торт. Вот это жизнь!

Простодурсен встал. И подошёл к окну взглянуть, что там на улице.

– Да что это, в самом деле! – закричала Октава. – А оно что, будет так просто лежать?

– Оно? – удивился Простодурсен.

– Яйцо, Простодурсен. Твоё яйцо.

– А?..

– Можно пока я…

– Что?

– Могу я взять его на руки?

– Ну да. Наверно. Сдобсен, можно дать ей его в руки?

– Если она его не треснет.

– Ты его не треснешь?

– Да что это, в самом деле! – возмутилась Октава. – А кто заказал торт? А кто за него заплатил? А кто?..

– Разумеется, ты можешь подержать яйцо, – сказал Простодурсен.

Октава взяла яйцо и прижала к груди. Осторожно и очень-очень бережно.

– Какое оно прекрасное, – бормотала она, – какое оно…

Сдобсен подошёл и заглянул ей в ладони.

– Да уж, – протянул он. – Недурственное. Круглое и красивое, как заграничное прямо. И такой богатый голубой цвет.

– Оно не моё, – сказал Простодурсен. Он решил, что сейчас самое время разъяснить недоразумение, и если они по ошибке подумали, что…

– Какие глупости! – прощебетала Октава. – Оно из твоей кровати. Ты сам сказал.

– Да, но…

– Ну-ну-ну, здесь нечего стыдиться, Простодурушка. Наоборот – распахни окно и прокричи это звёздам! «Благодарю! Благодарю за моё прекрасное яйцо!»

– Думаешь, яйцо это переживёт? – спросил Сдобсен. – Ес-

ли открыть сейчас вечером окно?

Так они стояли и болтали. Октава с яйцом в руке, Простодурсен и Сдобсен рядом с ней. Окно они открывать не стали,

опасаясь за яйцо. Они подложили ещё дров в печку. Потом палка Сдобсена упала на пол, и вошёл Ковригсен с прекрасным тортом – сплошь из всего самого вкусного.

Они сели за кухонный стол. Стульев у Простодурсена было только два, так что он и Ковригсен устроились на чурбанах. Сдобсен аккуратно разрезал торт на четыре равные части. Буря в животе у Простодурсена перешла в шторм.

Честно сказать, тортов в этом доме не видали давно. А тут крем из кудыки, с берёзовым соком и толчёным грецким орехом. Да ещё сверху украшение из марципана – нежно-розовые розочки, голубые колокольчики, изумрудные листочки кудыки. И разные добавки – их Ковригсен держит в тайне, но какой от них аромат!

Октаве было не до торта, она нянчилась с яйцом. То носом его потрёт, то подует на него, потом погладит и снова трётся об него носом. Свою огромную шляпу Октава на этот раз не сняла, и стоило ей повернуться или потянуться, как какое-нибудь из украшений шляпы обязательно попадало Сдобсену в ухо.

– Мм, – сказал тот. – Божественный торт, божественный.

– О да, – вторил Простодурсен. – Эти твои торты – просто волшебство, слов нет.

– Неплохо получился, – соглашался Ковригсен, – неплохо.

Он ел спокойно и деликатно, его кусок убывал незаметно. Ничего удивительного, торт ему не в диковинку. Он и видит их почаще, поскольку спит у хлебной печи в обнимку с ба-

дьёй крема.

– Представляете, вот-вот у нас народится новенький простодурик, – внезапно сказала Октава из недр шляпы.

– Хм, – хмыкнул Сдобсен, – хм.

Ковригсен покосился на Простодурсена. А Простодурсен – на Ковригсена.

– Я вам уже говорил, что яйцо не моё. Это чужое яйцо.

Он чуть было не добавил «по счастью». Но внутренний голос сказал ему, что это слово здесь некстати. Такое бывает и с хорошими словами. И если сейчас ваше слово не придётся кстати, лучше приберечь его до другого раза.

Ковригсен не спускал глаз с Простодурсена. Что он прочёл у него на лице? Или у Простодурсена слишком странный вид?

– Утром сюда заплыла утка, – начал Простодурсен с самого начала. – А я как раз стоял на берегу…

– Понятно, – сказала Октава. – Утки эти везде поспевают. Ну, не буду тебя дольше отвлекать. У тебя полно забот, надо яйцо на ночь обиходить, да и вообще. Спасибо, Простодурушка, что дал мне его подержать.

Она отдала яйцо Простодурсену и встала из-за стола. Следом поднялся Сдобсен. Но ему пришлось снова нагнуться, чтобы взять свою палку.

– Да-да, спасибо большое, – сказал Сдобсен. – Мне тоже пора идти. Вдруг завтра будет погода для сушки белья.

Они вышли, и порыв холодного ветра прорвался в комна-

ту, пока Простодурсен закрывал за ними дверь.

– Ну наконец-то, – выдохнул он.

– Что? – спросил Ковригсен.

– Куда мне его девать?

– Яйцо?

– Да.

– А разве ты его не в постели держишь?

– Ну да. Я его туда положил, чтобы не…

– Отличное место, по-моему.

– Соглашусь, пожалуй. Там и тепло, и мягко.

Простодурсен отнёс яйцо обратно в кровать. И тайком от Ковригсена погладил его по скорлупе. Вдруг в яйце кто-то живёт. И вдруг тот, кто вдруг живёт в яйце, напуган происшествиями этого дня.

Октава до своего торта не дотронулась. И Простодурсен подумал, не съесть ли его пополам с Ковригсеном. Буря в животе улеглась, но место ещё осталось.

И наконец-то Простодурсен смог рассказать Ковригсену всё, что он хотел рассказать ему ещё днём. Как утка стала звать на помощь. Как он грохнулся, запнувшись о лопату, а потом ею же вытащил утку на берег. И как Пронырсен следил за ним, а потом сказал, что Простодурсен ударил утку лопатой и что утка его, Пронырсена, а потом швырнул яйцо и угрожал собранием.

Ковригсен умел замечательно слушать. И когда Просто-

дурсен ему всё рассказал, то жить стало иначе – гораздо проще, чем пока он не выговорился. Единственное, чего он побаивался, это что Ковригсен не поверит про лопату. И подумает, а не оглоушил ли всё-таки Простодурсен утку. И пойдёт к Пронырсену расспрашивать его. И всё кончится этим бранным собранием. Потому что утка вряд ли что-то расскажет. Пронырсен так шмякал её о кусты…

Простодурсен кончил говорить и замолчал. Он волновался, что же Ковригсен скажет. Ему наверняка ещё не доводилось слышать таких страшилок про уток.

– Это, – сказал Ковригсен после некоторой паузы, – не такая весёлая история, как я думал.

– Нет, – ответил Простодурсен. – А как ты думал?

– Точно не помню. Но не так.

– А теперь думаешь так?

– Да. Теперь, когда я узнал все подробности…

– Но ты не так думаешь, что я ударил утку?

– Этот Пронырсен ведёт себя иногда непонятно, – ответил Ковригсен.

– Да. Он задаёт непонятные вопросы, говорит непонятные вещи, да ещё кидает яйцо.

– Что ты будешь делать с яйцом?

– Да, что мне с ним делать? Оно не моё, а утки…

– Может, надо сходить к Пронырсену?

– Думаешь, это нужно? Прямо идти к Пронырсену?

– Давай подумаем до завтра. Мне пора домой, к тесту.

– Да-да, понимаю.
– На улице хорошо, и небо звёздное.

И Ковригсен тоже ушёл. Шагнул за дверь в морозный звёздный вечер. Простодурсен провожал его взглядом, но Ковригсен быстро слился с горой, и лесом, и валунами, и камнями, и кустами рябины и кудыки, и всем, что окрасилось в черноту. Только плескалась река. Даже чёрной ночью река не сбивается с пути. Напевая, бодро бежит с высоких гор, где лежат и тают старые зимы, в глубокое море, где резвятся рыбы в ожидании чистой воды.

Подошло время спать. Простодурсен остался без пудинга на завтра. Но теперь уж поздно идти собирать всё, что нужно в него положить, в темноте наберёшь совсем не того, и что это будет за еда?

Нет, сейчас самое правильное место – кроватка. Мягкая и тёплая. Вдруг ему сегодня повезёт, и приснится старый добрый приречный сон. У всех, кто живёт у реки, сны полны

воды, блеска, плеска, бульканья, журчания и других уютных речных мелочей.

– Давай быстренько поспим, – сказал он яйцу. – Завтра прилетит дятел и нас разбудит. И надо будет делать пудинг. Может, я схожу покопать канаву. Я ведь нашёл сегодня лопату. Да уж, нашёл так нашёл.

И он уснул, свернувшись вокруг яйца, а последние красные угли в печке ещё догорали, как припрятанные крошки старого солнца.

Кто-то хочет выбраться из своего яйца

На другой день Простодурсен спозаранку уже лазил в кустах по окрестностям, подбирая цвет, вкус и пользу для своего пудинга. Яйцо лежало в кровати – в тепле и уюте.

В пудинге самое замечательное, что на вкус он всегда раз-

ный. Потому что рецепта для пудинга нет, есть только порошок из кондитерской Ковригсена. Порошок превращает в пудинг что угодно, важно сыпать его побольше и не лениться размешивать. Простодурсен всегда клал в пудинг можжевеловых ягодок для печени и почек, корень одуванчика для бодрости и обязательно щепотку сосновых иголок для свежего дыхания, не забывал катышек смолы (она хороша для горла), добавлял рябины и яблок для вкуса, кудыку и понарошку на всякий случай, ну и дальше по сезону всего съедобного, чем не отравишься и живот не испортишь. Сейчас, осенью, ещё не перевелись ни грибы, ни черника с брусникой, ни спросонья с конопаткой. Черника даёт красивый цвет и запирает живот, если он вздумает расклеиться от всего, что намешали в пудинг.

Дятел на солнечной стороне дома выдалбливал из стены свой завтрак. Простодурсен подумал, не вреден ли этот ба-

рабанный бой яйцу. Дом ходил ходуном. Но в матрасе отличные пружины, вряд ли стоит тревожиться.

Простодурсен стал чувствовать, что в его жизнь вошло яйцо. И всё чуточку изменилось.

И пока он собирал, что положить в пудинг, он всё время о яйце думал. Радовался, что придёт домой – а в кровати лежит яйцо. И кто-то, может быть, уже из него выбирается.

Неприятно только, что Ковригсен говорил вчера – мол, им стоит сходить к Пронырсену. Тот ведь легко может заявить, что это его яйцо. И потребует отдать его немедленно.

Пронырсен, как вы уже поняли, иногда бывает немного странный. Задаёт странные вопросы, говорит странные вещи и умудряется в секунду вывернуть любой смысл наизнанку. А Простодурсен как раз сегодня видел много смысла в том, как устроилась его жизнь. И хотел, чтобы так побыло ещё.

Он наклонился обобрать ягоды с куста понарошки, торчавшего в освещённом углу пружинистого ковра из конопатки. И когда он складывал их в миску, его накрыла сзади огромная тень.

Простодурсен в ужасе выпрямился, но это оказался всего-навсего Сдобсен – он вышел прогулять свою палку. Всего лишь Сдобсен, какое счастье. Обычно так незаметно вырастает за спиной Пронырсен.

– Хороший день, – сказал Сдобсен, щурясь в сторону леса, где на ветках и листьях висело солнце и сверкало в утренней росе.

– Отличный, – отозвался Простодурсен. – Я вот вышел набрать ягод для пудинга. Поутру самый сбор.

– Октаву видел?

– Нет, сегодня не видел. Она небось сидит у Ковригсена, коврижкой балуется.

– Нет, там её нету. Я подумал, она осталась дома – сегодня редкий день, прекрасно сохнет бельё, – но дома её нет.

– А может, ей тоже надо набрать начинки для пудинга.

– Как яйцо?

– Лежит. Хочешь – пойди взгляни.

– Я не настолько интересуюсь яйцом. А торт мы вчера весь доели?

– Да, торт весь доели.

– Весь, значит… Канаву сегодня рыть будешь?

– Думал немного покопать.

– А для чего тебе канава?

– Там видно будет.

– Да, хорошо иметь канаву про запас. Вдруг понадобится, а у тебя уже есть. Это как за границей. Вот где копают канавы так копают, скажу я тебе.

– Да, уж они копают.

– За границей копают ещё как. Надо бы тебе туда съездить.

– Надо бы.

Простодурсен раздумывал, не пригласить ли Сдобсена на сок. Вообще-то ему не хотелось приглашать, потому что

день начался хорошо, и портить хорошее начало дня скрипучим настроением Сдобсена как-то не тянет. И лучше он, Простодурсен, спокойно сам приготовит пудинг, а пока тот будет остывать, возьмёт яйцо на прогулку. Они пойдут собирать камешки-бульки.

Но Сдобсен не собирался уходить. Так и торчал за спиной, накрывая своей тенью кустики понарошки.

– Да уж да, – сказал он.

– Ну да, – поддакнул Простодурсен.

– Не всегда всё хорошо одинаково, – сказал Сдобсен.

– Не всегда, – согласился Простодурсен.

– А скоро опять зима, – сказал Сдобсен.

– Ну да, – вновь поддакнул Простодурсен.

– Да уж да, – сказал Сдобсен.

И он на все лады стал повторять «нет», и «да», и «вот ведь», и «да уж», и охать. Но тут, по счастью, из леса вышла Октава, напевая песенку.

– Так ты здесь была? – спросил Сдобсен.

– Я всегда там, где я есть, – объяснила Октава. – Сегодня я вскочила ни свет ни заря, чтобы набрать свеженького снега для пудинга.

– Ты ведь не ходила одна в горы? – уточнил Сдобсен.

Он прямо засветился, когда пришла Октава. Словно бы она была фонариком, а он – старым деревом в ночной темноте. Мрачное лицо стало цвета кудыки, и палку свою он держал сейчас щегольски, совсем на другой манер.

– Караул! – завопила вдруг Октава, заметив на краю поляны Простодурсена. – Люди добрые, что же это творится?

– Собираю начинку для пудинга, – ответил Простодурсен.

– А яйцо? Как же яйцо?

– Лежит дома.

– Лежит дома?! Одно? Разве это не опасно? Простодурсен, тебе нужна помощница по хозяйству или няня, чтобы сидела с яйцом, когда ты уходишь. Неужели ты этого не понимаешь? Ты вообще, что ли, ничего не понимаешь?

Она бросила лопату, снег на которой тем временем растаял, и стрелой понеслась в дом.

– Одна ходит в горы, – сказал Сдобсен.

– Ну да, – сказал Простодурсен.

Они подняли лопату и понюхали снег: он пах точь-в-точь как прошлая зима. Пудинг из него получится необычный, это факт. Сам Простодурсен разводил порошок водой из речки – она тоже очень хороша. Как хороша всякая чистая и свежая проточная вода.

Снова раздался крик. Теперь Октава вопила в доме.

– На помощь! – кричала она.

Хотя окна в доме были закрыты из-за яйца, Простодурсен слышал призыв совершенно отчётливо. Но Сдобсен тихо стоял себе по-прежнему.

– Ты не слышал? – спросил Простодурсен.

– Плиз пардон? – переспросил Сдобсен.

– Октава кричала.

– Кричала? И что она кричала?

– «На помощь!» Слышишь, снова кричит?

Они побежали в дом. Даже Сдобсен побежал. Он заложил палку за плечи и мчался, приминая конопатку и вереск.

Октава стояла у кровати. Полоски, пятна и лоскутки солнца беспорядочно были разбросаны по всему дому, один крупный квадрат упал точно на яйцо. С которым что-то творилось.

Яйцо шевелилось. И выглядело это так, как будто внутри него действительно кто-то был, и этот кто-то вдруг решил выбраться наружу.

Они все трое сгрудились возле кровати. И молча наблюдали за этим чудом, которое совершалось внутри голубой скорлупы, подсвеченной солнцем, как по заказу.

– Ты не собираешься вмешаться? – спросила Октава.

– Вмешаться? Как?

– Это твоё яйцо. Ты разве не видишь, что оно трескается?

– Кто-то хочет из него выйти.

– Всё нормально, – заметил Сдобсен и потрепал Октаву по щёчке. – Всё идёт точно как за границей.

– Я знаю, что это нормально, – ответила Октава. – Но до чего неприятное зрелище! Было такое красивое яйцо – и на тебе. Я хочу спеть песню. Нет, я не хочу петь. Простодурсен, что ты стоишь столбом, как просто дурень?!

– Когда кто-то выходит из яйца на свет, это всегда выглядит пугающе. Я имею в виду… – сказал Сдобсен таким то-

ном, словно хотел утешить. – Это ровно как когда ты, Октава, вышла из леса с лопатой. Только ты и лопата растаявшего снега, и всё. Точно как… точно как за границей, короче.

Простодурсену было не по себе. Он никогда прежде не присутствовал ни при чём подобном. И он на самом деле не верил, что это вообще возможно. Что кто-то родится из яйца. Особенно из яйца, которое лежало в его кровати.

– Наверно, мы… – начал было Простодурсен.

Но оказалось очень трудно говорить, когда рядом происходит настолько странное и непонятное. И не смотреть на это тоже оказалось выше сил. Что ему делать, он не знал и мог делать только одно – стоять у кровати и смотреть.

– А-а? – переспросила Октава.
– Нет, не знаю, – сказал Простодурсен.

– Надо подложить дров в печку, – предложил Сдобсен. – Вдруг ему покажется здесь холодно.

– Да, – откликнулся Простодурсен, разыскал огромное полено и запихнул его в печку, в угли.

– Это чудовищно! – воскликнула Октава.

– Что именно? – не понял Простодурсен.

– Новый простодурик приходит в мир, а ты даже не украсил дом. Посмотри, что здесь у тебя творится!

– Не украсил? Так у меня и нет никаких украшений.

– Сдобсен, сбегай на улицу и принеси несколько веток кудыки с листьями и несколько веток рябины с ягодами. Только нужны хорошо пропитанные солнцем.

Сдобсен взглянул на неё, взглянул на яйцо и вышел.

И тут Простодурсен вспомнил о белом камешке-бульке. Он носил его в кармане со вчерашнего дня. Простодурсен вытащил его и красиво положил рядом с яйцом.

– Что ты делаешь?! – завопила Октава.

– Украшаю. Это самый настоящий бульк.

– Кошмар! И это начало жизни! О нет… В этом доме даже солнечный свет пыльный и грязный на просвет. Ну куда он подевался, этот Сдобсен, где цветы?! Нет, всё, Простодурсен, как хочешь, но мне придётся петь. Я просто не вижу другого выхода. Ты меня понял? Я вынуждена петь. Ой, видел? Ты видел, да?

Да, Простодурсен тоже видел. Яйцо сотрясалось. Кто-то внутри долбил и долбил стенку, чтобы выйти.

Октава запела:

Поскорей выходи к нам, малыш!
Ждём тебя мы в дому у реки!
Вкусно хлебом пахнет уже!
Свежий пудинг почти готов!
Принесёт сейчас Сдобсен цветы!
Тры-ты-ты, тры-ты-ты, тры-ты-ты!

– Простодурсен, ты слышал?! В песне нашлась рифма! Значит, малыша ждёт удача!

И тут произошло то, чего ждали. Скорлупа распалась на части, и из неё вышел крошечный утёнок.

Он стоял на кровати и качался из стороны в сторону, словно от всего, что он тут увидел, голова закружилась, сердце ёкнуло и душа ухнула в пятки.

Сдобсен вошёл в дверь и, поскольку Октава и Простодурсен стояли разинув рты, направился прямиком к кровати.

– Поздравляю, господин Простодурсен, у вас утёнок! – сказал Сдобсен и протянул ему ветку, всю в красных гроздьях рябины. – Так, а когда вы успели отложить новое яйцо? Вот это некулёмое рядом с первым?

– Это бульк, – сказал Простодурсен.

– А всё песня, – сказала Октава, – чудесная сила искусства. Я спела маленькую приветственную песенку, и малютка простодурик сразу вышел к нам. Смотри, какой он чудесный! Где ещё увидишь такую прелесть?

– Может, он голодный? – вдруг сообразил Простодурсен. – Вид у него, во всяком случае, голодный.

– Махонький чудненький пудинг – вот что ему сейчас необходимо, – сказала Октава. – Простодурсен, ну что ты стоишь и мечтаешь? Сколько можно разговаривать, неси есть!

– Пудинг ещё не готов, понимаешь ли.

– Что ты такое говоришь?! Ты даже не заготовил для ма-

лыша еду?

– Так я ведь не знал… Я не думал…

– Тогда шевелись быстрее. Возьми мой снег. Это должен быть пудинг нашей мечты. А я спою, пока ты будешь его делать.

Простодурсен попятился к двери и вышел наружу. Из пекарни Ковригсена полз хлебный дух.

То-то Ковригсен удивится, когда узнает, что произошло.

У реки оказалось неспокойно. Какой-то тип хотел перепрыгнуть с того берега на этот. Вот он подпрыгнул и плавно приземлился в траве на этой стороне. Пронырсен! Тот самый Пронырсен, который говорил, что Простодурсен лупит уток лопатой по голове. Тот самый Пронырсен, который таскает уток как брюкву, головой вниз, и околачивает этой бедной головой все кусты по дороге. Тот самый Пронырсен, который кидается утиными яйцами. И что ему тут надо, спрашивается?

«Помогите!» – тихо подумал Простодурсен. «Спасите!» – подумал он. Взял лопату Октавы со снегом, прихватил свою миску для пудинга и как можно незаметнее попятился к дому.

Он добрался уже почти до двери, когда Пронырсен окликнул его.

– Приветик! – закричал он. – Ты, что ли, торопишься?

– Да нет, – ответил Простодурсен.

– Тогда подожди. Ты разве не видишь, что у тебя гости?

– Вижу.

– Ты гостям не всегда рад?

– Всегда.

– Какая замечательная у тебя канава, как говорится в таких случаях.

– Да.

Дверь открылась. Это Октава вышла на порог посмотреть, куда подевался Простодурсен.

– Ничего себе! – заголосила она. – Стоишь тут болтаешь, а он от голода сейчас умрёт!

– Нет, – ответил Простодурсен.

– Приветик, Октава, – поздоровался Пронырсен.

– Привет, – проговорила Октава. – У нас тут сумасшедший дом. Маленький простодурик только что выбрался на белый свет.

– Нет, – сказал Простодурсен.

– Да, и ещё как, – возразила Октава.

– Да, но… – запнулся Простодурсен.

– Вот ведь мужчины, – сказала Октава. – Совершенно теряют голову от таких вещей.

– Покажите, покажите, – пророкотал Пронырсен нараспев. – Я хочу его видеть!

Взял и просто шагнул в дверь. Но Простодурсен пролез

вперёд него и шмыгнул прямиком к несчастному дрожащему утёнку. Что делать, лихорадочно думал он, как быть? Не додумав, схватил склизкий комок и сунул в карман.

– Улетел! – закричал Простодурсен. – Он улетел!

Сдобсен грел клешни у печки. Он разогнулся, развернулся и недоумённо уставился на пустую кровать. Повернулся к окну – оно закрыто. Сдобсен закружил по комнате, Октава, засунув голову глубоко под кровать, искала там, а Пронырсен собирал по простыне куски скорлупы и буравил лицо Простодурсена каким-то странным взглядом.

– Загадочно, – произнёс наконец Сдобсен.

К этому времени все уже довольно долго молчали, и он подумал, что надо бы добавить ещё пару слов, но Октава прервала его.

– Загадочно? – крикнула она. – Это ужасно! Он должен быть здесь! Ты сказал, он улетел?

– Да, – подтвердил Простодурсен.

– А ты как дурак смотрел на это и только прятал кулаки поглубже в карманы?

Все посмотрели на его кулаки. Он держал их глубоко в карманах.

– Да, – сказал Простодурсен. – Он захотел свободы.

– Свобода свободой, – сказал Сдобсен, – но окно закрыто, а дом не щелястый.

– Щелястый очень даже, – возразил Простодурсен. – Здесь часто дует и завывает, а в темноте можно ступить в чёрную

дыру. И я слышал, как что-то просвистело мимо меня, когда открыли дверь.

– Ты положил его в пудинг, факт, – сказал Пронырсен. Он швырнул скорлупу обратно на кровать и огляделся, словно прикидывая, что бы он переделал в доме, если бы эта избушка внезапно стала его.

– Таких… – сказала Октава, – таких гадостей я сроду не слыхала. Простодурсен принял в дом яйцо, а ты зачем-то говоришь….

И она зашипела на Пронырсена. Но этого Пронырсена шипением было не пронять. Тогда она взглянула на Простодурсена. Тут её ждал полный успех. При виде сердитого лица Октавы Простодурсен послушно побелел.

В кулаке у Простодурсена пихался утёнок. Он пощипывал его за пальцы. Это было не больно. Это было приятно.

Тем временем Октава постановила, что это ерунда и утёнок никуда из дома деться не мог. Он ещё совсем малыш, только народился, и не знает пока, как управляются с крыльями.

– Ладно, – сказала она, – вы стоите тихо, а я ищу. А вы не наступили на него часом? Так, аккуратно поднимаете одну ногу, переставляете её и осторожно поднимаете вторую ногу. Вот ведь горе моё луковое… чесночное и хреновое…

Простодурсен, Сдобсен и Пронырсен послушно сделали, как она велела. Высоко поднимая ноги, переступили на месте и замерли в молчании, ожидая, пока Октава обследует

всё вокруг.

– Я хотел предупредить, – внезапно произнёс Пронырсен, – тут у нас возможны изменения. Я жду в гости родню, как вы помните.

– Да, эти разговоры мы слышали, – откликнулся Сдобсен. – Новые времена, новая мода… Как за границей… Я ничего против не имею, лишь бы у меня ничего не менялось.

– Нет, изменения будут по мелочам, – объяснил Пронырсен.

– Не морочь нам этим голову сейчас, – прикрикнула Октава, лазая на коленках по полу.

– Как известно, вода в реке, по сути, моя, – сказал Пронырсен.

– Что значит твоя? – вытаращил глаза Сдобсен.

Простодурсен был занят тем, что гладил утёнка, проводя в кармане пальцем ему по спинке от макушки до хвоста. Он не вслушивался в слова Пронырсена и мечтал поскорее от этого незваного гостя избавиться.

– Вода сперва приходит ко мне. Значит, она моя.

– Слушай, – сказала Октава из-под кухонного стола. – Просушняк – ветер южный, и начинает он с моего белья, но я же не говорю, что поэтому он мой. Стой смирно!

– Твой, конечно, спору нет. И я советую тебе собирать его в мешки и продавать нам, если он нам нужен.

– Ты нащупал интересную тему, – откликнулся Сдобсен. – За границей считается обычным делом…

– Нет, мне некогда тут с вами прохлаждаться, – вдруг заявил Пронырсен. – Меня ждут дела. Когда хочешь переделать жизнь, тебе недосуг ползать под столами и швырять камни в реку.

– Ты хочешь сказать… – начал было Сдобсен.

– Именно так, – ответил Пронырсен. – Спасибо за хлеб-соль.

И ушёл.

– Наконец-то, – выдохнул Простодурсен.

Он вытащил руки из карманов. Одну осторожно прижал к груди – в ней сидел утёнок.

– Кля, кля, – сказал он.

– Заговорил! – закричал Простодурсен.

– Но… – произнесла медленно Октава. – Ты ведь сказал, что…

Солнечный свет по-прежнему наполнял комнату. Горячие, ярко пылающие сгустки света висели в воздухе, оседая медленно-медленно. Да ещё тепло от дубовых поленьев. В комнате было ничуть не холодно, какое там. И утёнок вмиг обсох. И стал кружиться на месте, осматривая мир, куда он попал.

– Кля, – повторил он, – кля, кля!

И Простодурсен смог наконец рассказать Октаве и Сдобсену, как менялась вчера его жизнь. Сейчас они вроде были готовы его выслушать.

Он начал с того, как он нашёл лопату и услышал крик утки. Тут откуда ни возьмись нарисовался Пронырсен и уволок утку с собой, околачивая её головой все кусты по дороге.

Октава и Сдобсен молча выслушали его рассказ. Простодурсену казалось, что они вроде бы верят его словам. На лицах у них колыхалась солнечная вуаль. Сдобсен, как обычно, уронил на пол палку, а Октава разинула рот.

– Возмутительно! Забирать уток! Да как он мог, этот Про-

нырсен… Бедная утиная сиротка!

– Кля! – сказал утёнок.

– Икает, – подметила Октава. – У него язык от голода отнимается, и едва ли не первое, что он слышит в жизни, это что тут забирают уток.

– А теперь он ещё потребует плату за воду из реки, – вздохнул Сдобсен.

– Что за чушь! – возмутилась Октава. – У Пронырсена язык без костей. Больно много чести – слушать его болтовню. Короче, нам надо очень быстро сделать пудинг!

И работа закипела. Простодурсен сидел на кровати и нянчил малыша, а Октава со Сдобсеном в четыре руки мешали пудинг.

– Кля! – напомнил о себе утёнок. – Кля, кля!

– Ты мой хороший, – погладил его Простодурсен. – Сейчас будет тебе пудинг, и вообще.

Встреча за столом Простодурсена

У пудинга оказался волшебный вкус зимы, черники и голубики, клюквы и брюквы, рябины и можжевельника, кудыки и понарошки, еловой смолы и сосновых иголок, желудей и солнца, грибов и песен, и он благородно и красиво дрожал на блюде, блюдечках и ложках. Октава и Сдобсен сели за стол вместе с Простодурсеном и утёнком, которому разрешили ходить по столу и есть пудинг прямо с блюда или приглянувшейся ему ложки. Его не отругали, даже когда он, споткнувшись, рухнул в блюдо с пудингом и весь в нём извозился. Он ведь только родился и он такой милый, ему пока полагаются лишь улыбки, добрый смех и ласковушки.

А между тем было всё ещё начало дня, и Простодурсен сказал, что, когда они наедятся, надо будет сходить к Ковригсену.

– Кля, – сказал утёнок и отщипнул ещё кусочек пудинга.

Он забрался на блюдо и теперь качался на кромке, ловя равновесие.

– Осторожнее, – предупредил Простодурсен и подвинул свою тарелку под край блюда, чтобы утёнок не ушибся, если свалится.

– То-то Ковригсен обомлеет, – сказал мечтательно Простодурсен, – или перепугается, или одуреет, или как это лучше сказать? – не знаю, в общем, – когда мы заявимся к нему с живым утёнком. Только бы Пронырсен нас не выследил.

– Ерунда. Не бойся этого живоглота, – подбодрила Окта-

ва.

– Но я уже боюсь, – отозвался Простодурсен.

Сдобсен не сказал ничего. Рот у него всё время был занят пудингом. Он только водил глазами, следя за перемещениями утёнка, и подкладывал себе пудинга.

– А вот канава твоя, – спросила Октава. – Какие у тебя на неё виды?

– Придёт и её время, – ответил Простодурсен. – Вдруг выяснится, что срочно нужна канава, а она вот она, уже готова.

– Что же ты не прокопал её до реки? – сказала Октава. – Был бы бассейн. Тогда малыш мог бы плавать и резвиться прямо в саду, у тебя на глазах.

– Вот видишь, – оживился Простодурсен. – Мне уже очень нужна моя канава!

Прежде чем идти к Ковригсену, Простодурсен решил сводить утёнка к реке. Он повязал ему на шею голубой платок, а себе в карман сунул белый бульк. Сейчас этот малявка услышит первый в своей жизни «бульк». Простодурсен так радовался этой мысли, что ему сделалось щекотно от коленок до пяток.

– Смотри, – сказал он утёнку. – Вот течёт наша река. Она спускается с гор и течёт далеко к большим рыбам. А вон ту канаву на горе мы переделаем в бассейн-утюшатник, чтобы ты мог учиться плавать. А теперь смотри во все глаза – я тебе покажу такое, чего ты никогда не видел.

Река спокойно и красиво текла мимо. В прозрачной воде

ясно были видны камни на дне. Их накидал туда Простодурсен. Это были горы камней. Многие тысячи, наверно. И вот он достал из кармана белый бульк. И красивой дугой запустил его в воду.

«Буль-бульк», – сказала река.

– Видел?! – вскрикнул Простодурсен.

– Кля! – ответил утёнок.

И тут случилась престранная вещь. Река внезапно изменила цвет. Она стала коричневая. И теперь уже никакого дна видно не было.

– Сюда! – закричал Простодурсен.

Октава и Сдобсен стояли под яблоней. Услышав крик, они бегом спустились на берег и увидели мутную грязь.

– Волки-ёлки-перепёлки! – выругалась Октава. – Откуда эта пакость?

– Вдруг это Пронырсен? – сказал Простодурсен. – Наверно, он уже приступил к своей серьёзной перестройке.

Они взглянули на дорогу, в конце которой стоял дом Пронырсена. Дома, правда, не было видно. На полпути к нему зеленел еловый лес и загораживал дом. А вода в реке портилась и портилась. Она была уже чёрная, как болотная жижа.

Простодурсен чувствовал, как чернота воды заползает к нему внутрь и расползается там, задвигая в стороны всё светлое и хорошее. Он испугался, но вместо того, чтобы сказать об этом вслух, принялся успокаивать утёнка, который ничуть не казался встревоженным.

– Ничего, – сказал Простодурсен. – Всё пройдёт. Немного подожди, и дно снова появится.

– Кля! – отозвался утёнок.

Что внутри, что снаружи он был в пудинге по самый нос и уже гораздо твёрже держался на ногах. Простодур-

сен спустил его на траву. Возможно, утёнок хочет походить. Тот и правда хотел.

Когда они подошли к пекарне Ковригсена, утёнок шёл уже так уверенно, что они вполне могли гордиться им.

Ковригсен сидел в одиночестве за столиком рядом с прилавком. Маленькая жёлтая лампа раскачивалась под потолком, лишь изредка освещая сидящего.

– Добрейший денёк, добрейший денёк! – защебетала Октава.

– Предположим, – ответил Ковригсен.

– Как торговля? – спросил Сдобсен.

– У меня сегодня был лишь один покупатель – Пронырсен.

Он, как всегда, взял чёрствый хлеб и не стал за него платить.

– Тебе пора отказаться от этого невыгодного чёрствого хлеба, – сказал Сдобсен.

– Но мы пришли, ля-ля, пришли! – запела Октава. – И будем коврижку и сок на всех!

– А дверь что не закрыли? – спросил Ковригсен.

Снаружи было холодно, а Сдобсен, Октава и Простодурсен уже грелись внутри.

– Ну просто ещё не все вошли, – ответила Октава.

– С вами ещё кто-то? – спросил Ковригсен.

Настроение его поднималось на глазах. И он встал, чтобы обслужить гостей. Он стоял и смотрел на дверь. Смотрел, смотрел – и вдруг через порог перевалился внутрь малыш, которого он никогда раньше не видел. Кроха с голубым платком на шее.

– Кля! – сказал малыш.

– Это кто? – спросил Ковригсен.

– Как кто? – изумилась Октава. – Ты с ним вчера знакомился.

– Я с ним знакомился?

– Да. Он сидел в своём яйце.

– Не может быть… Он уже вышел?!

– Уже вышел, уже съел свой первый пудинг, а теперь хочет попробовать коврижку в черничном соке, – сказала Октава.

– Ну и ну… – только и сказал Ковригсен. – Ну и ну… – только и повторил он.

– Кля, – включился в разговор утёнок.

– И тебе кря-кря! – ответил Ковригсен.

Простодурсен ничего не говорил. Он стоял, окутанный вкусным хлебным запахом, вдыхал его и старался забыть ужасный цвет реки. Если забыть его начисто, то и река, быть может, станет такой же чистой и красивой, как раньше, надеялся он.

Они сидели и с хрустом грызли коврижку. Её вкуснота медленно размазывалась по горлу и опускалась внутрь. Утёнок коврижку, конечно же, не грыз. Он её полоскал в соке.

И тогда Сдобсен рассказал про реку. Что она стала грязная и наводит тоску. Если называть вещи своими именами, то она стала похожа на болото.

– Это ведь не навоз и не птичий помёт? – уточнил Ковригсен.

– Непонятно, – ответил Сдобсен. – Но вид отвратительный.

– Я готовлю на воде и коврижки и торты, а если это теперь навоз с помётом, то…

Тут в Простодурсене проснулось наконец желание разговаривать.

– В коврижках есть вода? – спросил он.

Это совершенно невозможно. Как может быть вода в коврижках с их такой твёрдой и хрусткой корочкой?

– Конечно, – ответил Ковригсен. – Нет воды – нет хлеба. А с грязной водой… Пойдёмте посмотрим.

Они захватили пакет коврижек для перекуса и пошли по дороге мимо дома Простодурсена. Если утёнок устанет, подумали они, положим его у Простодурсена спать. Простодурсен уже нёс его на руках. Утёнку нельзя ходить так много в первый день жизни.

Потом они спустились к месту кидания бульков. Простодурсен ещё надеялся увидеть всё в прежнем порядке. Не как было до появления утёнка, но как было, пока вода не стала мерзкой. Тщетные надежды. Сейчас реку нельзя было назвать даже болотом. Потому что вода исчезла. Совсем.

Русло было пусто. Пусто и безводно. Они стояли на бывшем берегу. В полной тишине. Над головами проплыла вереница драных облаков. Луна поднималась из-за ёлок, но тихой воды, которая задумчиво плескалась бы перед глазами, не было. Как если бы кто-то украл её. Прихватил с собой. Забрал всю и унёс.

– Смотрите, – сказал Простодурсен. – Теперь я могу… теперь можно… бульки, да?

Он разглядывал реку, вытаращив глаза. Правду говоря, назвать это сейчас рекой было никак нельзя. Разве что канавой. Но на дне огромной кучей лежали все бульки, какие он перекидал в реку за свою жизнь. Да, некоторые из них стащили совы, некоторые укатились вниз по течению, но… Он даже и не мечтал получить их обратно. Не думал, что один и тот же камень можно булькнуть второй раз или третий.

А теперь вот…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.